

СТРАСТЬ ВЕЛИКОГО МАЭСТРО

Книга Владислава Геннадиевича Соколова переиздаётся не в первый раз, и уверен, что будет ещё многократно появляться на прилавках магазинов и в библиотеках. Она, как показало время, незаменима для тех, кто постигает суть и дух управления хором. Первое её издание состоялось в 1959 году. При такой востребованности и популярности, мне кажется, излишне как-то предварять её предисловием по «музыкальной части». Да я и не собираюсь этого делать.

Дело в том, что многие и многие, кто учился у Мастера — профессора Владислава Соколова, кто пел в коллективах, которыми он руководил, кто знал или видел его в аудиториях или в концертных залах, уже отошли от дел или покинули наше время и ушли в прошлое. Некоторые поделились своими воспоминаниями о нем, некоторые воспитали своих учеников, ставших хоровыми дирижёрами, и традиция школы Владислава Соколова продолжается... Я делал книгу о великой персоне русской культуры «Владислав Соколов, дирижёр, педагог, композитор» (Москва, Музыка, 1988 г.). Она давно стала редкостью и труднодоступна даже в интернете, а в ней много любопытного рассказано теми, кто хорошо знал и учился у знаменитого дирижёра и педагога.

Поэтому для новых профессионалов и любителей хорового искусства может быть интересно узнать, а каким он был, Владислав Геннадиевич Соколов, — каким человеком, каким педагогом, каким многолетним заведующим кафедрой Московской консерватории? Всегда личность и биография художника интересуют и профессионалов, и публику — это

добавляет понимания творчества любого писателя, музыканта, живописца... Поэтому, робея и смущаясь, безо всякого кокетства, принимаюсь за эти странички. Это дань моей благодарности ему за всё, всё, всё...

Мне посчастливилось знать Владислава Геннадиевича несколько десятилетий до самой его кончины. Знакомство незаметно соединилось с сотрудничеством, потом переросло в дружбу и в совместное творчество, поэтому я решил поделиться своими воспоминаниями, а более того, впечатлениями от тесного общения с ним, своими размышлениями о жизни Великого Маэстро.

Нечто большее, чем искусство, как оказалось, объединяло нас: я очень люблю ярославскую землю. Места, где родился и вырос мальчик Владя Соколов, были объезжены мной, обхожены, облюбованы для обретения душевного равновесия, они были связаны и с моей семьёй, и в городах этой стороны шли спектакли в театрах по моим пьесам, да даже названия — Ярославль, Кострома, Углич, Рыбинск, Тутаев, Устье, Высокое, Гаврилов Ям, Карабиха, Коровники — это уже музыка, а чуть дальше такие аккорды — Ростов Великий, Переславль Залесский, Боголюбово, Суздаль, Владимир, Александров, Киржач, Нерль... и, конечно, Волга... Мне кажется, гармония этих мест и рождает гармонию хора, который поёт о том, что вокруг, о жизни, протекающей здесь, поёт не по принуждению, а в час отдыха или за работой в поле, на покосе, в дороге... И стройность звучания хора от стройности сосен, от белых акцентов колоколен в бесконечной синеве леса, от птичьих голосов, поющих вроде вразнобой, но создающих гармоничное звучание дня.

С утра мальчик шёл с отцом на службу в церковь и вскоре уже пел в небольшом самодеятельном хоре, который по воскресеньям пополнялся опытными хористами, и тогда исполняли «нотное»! Отец был настоятелем собора в Рыбинске, прошёл «повышение квалификации» в Синодальном училище в Москве, и мама Влади получила образование в Епархиальном училище, образованные интеллигентные родители.

Биографию и «этапы пути» мальчика, ставшего

знаменитым маэстро и гордостью русской культуры, — писать не собираюсь, но в наших долгих порой разговорах Владислав Геннадиевич часто возвращался к своим детским годам, к родителям. Совершенно очевидно, что он их очень любил, и ему хорошо было в семье, тепло, надёжно, и его вкусы и стремления были всей душой поддержаны родителями, когда он решил посвятить свою жизнь музыке! Не было ужасного жестокого порога родительской власти, когда «сначала приобрети профессию, а потом занимайся своими увлечениями — музыкой, стихами, рисуй, танцуй, в театр пробуйся». Разве многих это миновало? Нет. Говорю уверенно, зная, как было у моих друзей и знакомых, особенно же в такое время, когда происходило становление Владислава Соколова. К моменту октябрьского переворота ему исполнилось всего девять лет, он учился в музыкальной школе в Рыбинске, а в решительный момент «Кем быть?» и «Что делать?» на дворе стояли 20-е, на самом-то деле не только нелёгкие, но страшные годы. И уже взрослый домашний Владислав сам себя должен был содержать и определить — куда? То, что в Музыку, — понятно, но то ли в пианисты, то ли... Знакомые отца, которых он помнил ещё с детских лет, несомненно, повлияли на его выбор. Знаменитые хоровые дирижёры и композиторы Александров, Чесноков, Никольский... им Владя представлялся сыном Геннадия Яковлевича, человека, пользовавшегося большим уважением и авторитетом...

— Владислав Геннадиевич, ну как это было?

— Как у всех! — Он на жесты скуп не только на сцене. — Поступил в Музыкальный техникум им. Рубинштейна. Отец уже поддерживать не мог. Сами знаете, что тогда с церковью делали... поступил и сразу на работу — кружок хоровой вел, по урокам бегал, кому сольфеджио подтянуть, кому фортепиано...

Фотографии отца и матери в комнате соседней с его кабинетом на стене у двери рядом. Дагерротип отца в такой серебряной рамке, просто как икона, в окладе, панагия на груди — очень красив, сын в него не только лицом, у матери лицо строгое и глаза, которым не sluкавишь.

— А что ж вы домой, часто ездили?

— Не часто! Не часто... все там захирело дома, отец работы лишился, трудно жили...

— А к вам приезжали родители?

— Сначала и принять негде было. Потом отец приезжал... вот библиотека из моего детства, из его дома... как-то приехал, мы с ним пошли перекусить в кафе, оно по Большой Никитской было в правом крыле Консерватории. Зашли, а там Никольский Александр Васильевич — как же отец радовался, сели вместе, «пировали».

Вообще Соколов человек закрытый, что касается его биографии и семейных дел. Его разговорить — это проблема, если на тему музыки, репертуара, концертов — всегда готов, а когда мне надо было за ним записывать на магнитофон, чтобы сделать биографический очерк, пришлось на хитрости пускаться...

«Ну ладно, — говорю, — Владислав Геннадиевич, не будем писать». Откладывая магнитофон на соседнее кресло поглубже и микрофон там бросаю небрежно, щёлкая крышкой от гнезда кассеты, а плёнка идёт, и мы начинаем так, ни о чём, Соколов косится на эту бесшумную машину и постепенно забывает о ней... Одна сторона 45 минут... не очень-то много, но пока он встаёт взять книгу или ноты показать, успеваю перевернуть кассету и снова 45 минут...

Но не так-то всё просто!

— Вы куда эти записи денете?

— Только для себя, для работы, Владислав Геннадиевич!

— Никому не давайте!

— Обещаю! — Я не обманул. Пленки использовал для очерка. Он большой получился и много фамилий и подробностей там было. Его резали все по очереди — редактор, завредакцией, директор издательства, потом Комитет по печати, потом начали фотографии уникальные выбрасывать под разными предложениями. Даже панагию на груди Геннадия Яковлевича на любимом портрете Соколова заретушировали. Я бился как мог, но похоже было на то, как налететь лицом и грудью на бетонную стену. Соколов молчал. Он боялся. Говорю не в осуждение — как есть, как было... он вообще боялся, чтобы лишний раз упомянули, что он из духовного сословия... Но

воспитание и память не всегда ему удавалось одолевать! Он выписывал Православный международный журнал, знакомил меня со всеми митрополитами, настоятелями, которых там по портретам находил, он их знал и помнил ещё с детства, он берег отцовские духовные книги.

Кстати, о записях голоса Владислава Соколова — я, конечно, сберёг их и передал на хранение в музей Музыкальной культуры имени Глинки.

Я много писал о своём старшем товарище... осмелюсь сказать, друге.

Позволю себе привести одну небольшую сценку.

В квартире тишина. Несколько кремлевских башен за окном... тихо... снег... чисто в Москве... даже крыши чистые... и часы на его столе, поразившие меня на всю жизнь... невиданные тогда, привезенные из Швейцарии, когда он возвращался с парижского конкурса, где выступал со своим Детским хором Института художественного воспитания Академии педагогических наук... Всех командировочных денег только на часы и хватило... Вернее сказать: не хватило, да хозяин магазина увидел через витринное окно, с каким интересом элегантный солидный человек на улице рассматривает эти часы с колесом на проволочке, которое полоборота влево, а потом полоборота вправо... и так неспешно, равномерно... успокаивающе — увидел и зазвал в магазин и, можно сказать, подарил, потому что много уж очень уступил в цене, чтобы у джентльмена хватило... командировочных... у народного артиста СССР и при всех регалиях... Так было...

— Ох, Владислав Геннадиевич, если бы я был вором, забрался бы к вам и стащил знаете что?

— Библию с иллюстрациями Доре?! — гадают Соколов.

— Нет! — смеюсь я. — Часы!

— Правда замечательные? — он радуется совершенно по-детски... Устав, мы переходим в другую комнату и погружаемся в старинные кресла, а я как раз напротив книжного шкафа до потолка и во всю стену... А в нем... О! Это уж целый клад: от Буссенара до Фолкнера, от Державина до Пастернака, от Купера до Бредбери... А чего там могло не быть? Это же еще батюшка Владислава Геннадиевича собирал.

Он никому не давал книги на вынос. Для меня счастливое исключение. Первая была в прекрасном издании — «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное».

Дома Владислав Геннадиевич в шортах! Стройный загорелый, откуда-то из гастролей, а ему уже под восемьдесят, и походка молодая, а глаза! Так делать глазами посыл умел только он, я ни у кого больше не видел. Когда приходили ученики или посетители, он придевался и говорил мне: а не могли бы вы разобрать тут немножечко на кушетке — книги под рояль, а фотографии принесли — я еще сам не видел. Может, на рояль?

Он, когда был чем-то чрезвычайно доволен, нарочито «окал»! «Хорошо!»

Подходил к роялю и что-то проверял, исполнял...

— Владислав Геннадиевич, а рояль давно просится... у меня настройщик хороший есть...

— Да, — соглашается Соколов, — пора, пора... — Но так его ни разу и не настроил... не помню такого.

Вот ещё одна цитата из мною написанного.

Вы никогда не бывали в квартире дирижера... известного, популярного, любимого? Давайте вместе войдем... Может, немного неловко без разрешения... да не у кого уже спросить... хозяина нет... квартира уже совсем не та... Из нее бы музей сделать или такое место, куда приводить жаждущих стать дирижерами, чтобы они поняли что-то главное, необходимое для этой профессии — нет, образа жизни... Собственно говоря, так и было, пока хозяин был жив... А мы всё же войдем... ведь эта квартира в памяти... а туда... туда войти можно: я впускаю вас в квартиру Владислава Геннадиевича Соколова, сохранившуюся в моей памяти... квартиру, которую я любил, знал, часто в ней бывал и часами работал с её хозяином...

Дверь всегда открыта... ручку вниз — входи... звякнули колокольчики:

— Кто там? — а чаще по имени, потому что визит предвзвонен звонком: — Миша, вы?

— Как себя чувствуете, Владислав Геннадиевич? — это вместо «здравствуйте».

У него в доме бывали только свои! То есть ученики, уже окончившие ученики, знакомые дирижёры, музыковеды... музыканты, а ещё его домоуправительница и племянник. Она — каждый день. Он — когда что-то нужно от дяди.

Вдруг он говорит: «Эх, у нас там мост такой был, спуск к нему и собор на той стороне...» — Я понимаю, что это о Рыбинске. Вспоминаю очень красивый Спасо-Преображенский собор, мне кажется, что лицо Владислава Геннадиевича разглаживается. Он часто под конец жизни говорил об одиночестве. Наверное, не всем. На людях он всегда улыбался, громко выговаривать никому не любил, но когда хмурился и появлялась вертикальная морщина около глаз — был огорчен...

Книжкой о нём, которую мне довелось делать, он был очень доволен, как-то вскользь признался, что удивлён, что вообще вышла, слишком много там было о духовном слове, о духовной музыке... Но как иначе?! Александр Васильевич Александров — его основной педагог, был регентом хора в храме Христа Спасителя и часто свои занятия проводил не «всухую». Он приглашал студентов на службу и иногда, при отсутствии замены, исполнял партию тенора своим прекрасно обработанным небольшим голосом.

Я бы сказал так: за те годы, что был рядом с Великим Маэстро, получил весьма основательные знания по широкому кругу вопросов культуры и искусства. Если бы это касалось только меня, я бы не стал говорить! Каждый черпал из его колодца! Он был щедр и широк. Не суетился, не заботился о быте — у него была одна страсть, любовь не показушная, тихая, настоящая, проверенная — хоровое пение. Он старался приобщить к нему страну, подвергшуюся лютым испытаниям, он верил, что музыка лечит и дает свет. А хоровая музыка, хоровое пение стало неотделимой частью Владислава Геннадиевича Соколова.

Смерть Владика (как за глаза его называли многие безо всякого амикошонства) была для меня страшным ударом. По дороге в Консерваторию от своего дома в Брюсовском переулке по прямой он как-то неловко оступился на бордюре тротуара, упал и повредил бедро. Лечение прошло успешно, мы

с Эдуардом Леоновым, его учеником и моим другом, собирались в больницу проведать Соколова. Вечером Эдуард Федорович позвонил мне и сказал: «Давай завтра не пойдём! Его завтра выписывают. Лучше послезавтра дома навестим, а то там суета в больнице будет, помощь не нужна...»

Так и решили. А ночью Соколова не стало. В церкви Вознесения на Вражке его отпевали. Как раз напротив дома, где он жил, рядом с Консерваторией, с Союзом композиторов... народу было столько...

И звучали мелодии, на которых он вырос и поднялся до вершин мастерства. Круг замкнулся. Остались память, благодарность и традиция Великого Маэстро.

ВВЕДЕНИЕ

Роль руководителя хора в создании коллектива и обеспечении его творческого роста огромны. Конечно, большое значение имеет общая музыкальная культура дирижера, природные данные, способности к дирижированию. Но важно также присутствие у дирижера качеств, необходимых вообще для руководителя коллектива, для руководителя группы людей, объединенных во имя достижения определенной цели. Здесь имеется в виду умение правильно организовать учебный или репетиционный процесс, умение донести до сознания певцов хора творческую задачу и главное — достаточное обладание силой воли, чтобы настойчиво и непреклонно добиваться решения этой творческой, художественно-исполнительской задачи. Словом, волевые качества дирижера хора — неперемное условие успешной его деятельности.

Естественно также, что дирижер обязан хорошо знать природу хорового пения и ясно представлять себе весь сложный и трудный процесс работы с хором. Этим вопросам и посвящено данное учебное пособие.

Следует сказать о структуре книги, о порядке и содержании глав.

I глава — «Понятие о хоре». В ней сообщаются краткие сведения о хоре, его составных частях и о тех качествах, которые создают условия для существования хора как художественно-исполнительского коллектива.

II глава — «Вокально-хоровая техника». Здесь обосновано значение техники в хоровом исполнительстве, разобраны приемы развития основных вокально-хоровых навыков, а также приложены упражнения для хора.

III глава — «Средства художественной выразительности». В этом разделе раскрывается термин «выразительное исполнение» и определяется значение отдельных элементов

художественного исполнения, объединенных понятием «средства художественной выразительности».

IV глава — «Средства и приемы управления хором» — посвящена подробному рассмотрению понятия «техника дирижирования» как важного фактора в работе дирижера с хором на всех стадиях — от начальной репетиционной работы до концертного исполнения. Здесь подчеркивается важность для дирижера владения техникой дирижирования, обуславливающей высшее мастерство хормейстера — репетитора и художника-исполнителя.

V глава — «Репертуар и работа над хоровым произведением». В ней помещены рекомендации по отбору репертуара, составлению программ концертных выступлений хора. В этой главе изложены основные методы работы над произведением вообще и приведен анализ работы над конкретным хоровым сочинением.

Хочется обратить внимание читателя на некоторые особенности распределения материала в книге.

Так, в особую главу вынесены вопросы, связанные с исполнительской стороной деятельности хора. Это — «Средства художественной выразительности». Каждая из пяти глав, составляющих книгу, представляет собой самостоятельный очерк, в котором рассматриваются те или иные стороны методики хорового дела.

Некоторые понятия, как, например, «нюанс», «ансамбль», «дикция» и др., упоминаются во всех очерках книги. Это происходит оттого, что каждое из них рассматривается с той позиции, которая определена названием главы. Так, о нюансе речь идет в первой главе — «Понятие о хоре», где перечисляются признаки, определяющие хор как творческий, художественно-исполнительский коллектив. Во второй главе — «Вокально-хоровая техника» — говорится о том, как вокально-технические средства могут быть применены для достижения того или иного нюанса; приведены примеры упражнений для развития у хора навыков нюансировки. В третьей главе — «Средства художественной выразительности» — нюанс рассматривается как необходимый элемент выразительного исполнения хорового произведения;

приводятся примеры разнообразного применения нюансов в случаях различной трактовки художественного образа всего произведения, а также отдельных его частей. В четвертой главе — «Средства и приемы управления хором» — даются рекомендации, как дирижерскими приемами, то есть средствами дирижерской техники, добиться того или иного нюанса. В пятой главе — «Репертуар и работа над хоровым произведением» — при анализе исполнительского плана хорового произведения приводятся наглядные примеры применения нюанса в данном конкретном произведении.

В главе «Понятие о хоре» дается теоретическое объяснение понятия «ансамбль» — одного из важнейших элементов хорового исполнения. В главе «Вокально-хоровая техника» предлагаются практические приемы достижения ансамбля. В главе «Средства художественной выразительности» раскрывается роль ансамбля в процессе художественно-выразительного исполнения песни. В главе «Средства и приемы управления хором» излагаются приемы дирижерской техники, помогающие установлению ансамбля во время исполнения песен, а также на репетициях.

І. ПОНЯТИЕ О ХОРЕ

ЧТО ТАКОЕ ХОР

Существует распространенное мнение, что любая группа случайно собравшихся людей, поющих вместе песни, представляет собой хор. С точки зрения хороведческой науки, это неверно. Такое исполнение песни можно назвать бытовым или массовым пением. В качестве же *художественно-исполнительского* коллектива хор должен обладать рядом специфических признаков.

Хором называется такой коллектив, который *в достаточной мере владеет техническими и художественно-выразительными средствами хорового исполнения, необходимыми для передачи мыслей, чувств, идейного содержания, которые заложены в произведении.*

ПАРТИИ ХОРА И ГОЛОСА, СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИХ

Хор — это, прежде всего, организованный коллектив поющих людей, в котором обязательно должно быть несколько различных групп голосов, называемых партиями. Партии группируются по характеру звучания и диапазону голосов.

Высокие женские голоса называются *сопрано*.

Низкие женские голоса — *альты*.

Высокие мужские голоса — *тенора*.

Низкие мужские голоса — *басы*.

Высокие детские голоса — *сопрано*¹.

Нередко каждая партия делится на две группы: такое деление называется *divisi*. В этих случаях более легкие (высокие) голоса составляют первую группу, остальные (низкие) — вторую группу.

---

¹ Высокие голоса мальчиков иногда называют дискантами.

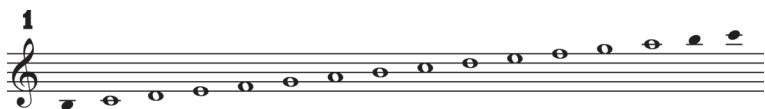
ХОРОВАЯ ПАРТИТУРА

Для записи хорового произведения существуют общепринятые правила, благодаря которым мелодическая линия каждой партии отчетливо видна. Это достигается разными способами. Чаще всего каждая партия записывается на отдельной нотной строке. Практикуется также такой способ, при котором на одной строке помещают две, а иногда и более, партии; это зависит от состава хора и от сложности фактуры хоровых произведений.

Запись тем или иным общепринятым способом хорового сочинения носит название хоровой партитуры².

ХАРАКТЕРИСТИКА ХОРОВЫХ ПАРТИЙ

Партия сопрано характеризуется высоким, подвижным, легким и светлым звучанием. Роль партии сопрано в хоре очень велика. Чаще всего, особенно в хоровых произведениях гармонического, аккордового склада, ей поручается исполнение ведущей мелодии произведения. Наиболее распространенный диапазон (объем звуков от самого низкого до самого высокого) сопрановой партии — от до первой октавы до ля второй октавы³:

В случаях разделения партии на два голоса (*divisi*) группа, исполняющая верхний голос, называется первые сопрано, нижний — вторые сопрано.

Приведем примеры из хоровой литературы, характеризующие партию сопрано.

² См. Приложение.

³ Здесь, как и в других примерах, затушеванными нотами отмечены звуки, которые практически в данных партиях встречаются редко.

В случаях разделения партии на два голоса группа, исполняющая верхний голос, называется первые альты, исполняющая нижний — вторые альты.

Партию альтов могут характеризовать следующие примеры из *хоровой литературы*:

5 *Andante* А. Бородин. Половецкие пляски
из оперы «Князь Игорь»

C. *sempre legato e dolce*

A. Там под знойным небом негой воздх по лон,

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru